

Дела следователя Воронина

ФАБРИКА ИСТИНЫ

Конспирологический детектив

Георгий Рассветов

Георгий Рассветов

Фабрика истины

<https://litres.ru/74216684>

SelfPub; 2026

Аннотация

В тихом научном институте убит профессор. Версия — бытовой конфликт. Следователь Артём Воронин готов закрыть дело, но коллега погибшего настаивает: смерть связана с архивной находкой. Кто-то переписывает историю, стирая целые дворянские роды, и профессор знал слишком много.

Воронин не верит в заговоры. Но когда документы из кабинета исчезают, на свидетелей нападают, а собственное начальство советует забыть о деле, он понимает: это только начало. Расследование уводит его от привычных фактов в мир, где правда меняется по чьей-то воле, а за неё платят жизнью.

Классический детектив, замешанный на конспирологии. Для тех, кто любит загадки, нестандартные улики и расследования, в которых прошлое пытаются переписать.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Георгий Рассветов

Фабрика истины

Глава 1

Он проснулся за минуту до будильника. Это было не врождённое чувство времени, не дар и не привычка — просто за десятилетие работы в убойном отделе его внутренние часы сбились с общего ритма и подчинились только одному закону: смерть не терпит опозданий. Артём Воронин открыл глаза, уставился в белый потолок с крошечной трещиной, напоминавшей карту Волги, и несколько секунд просто лежал, прислушиваясь к собственному дыханию. В квартире пахло заваркой, оставшейся с вечера, и сыростью — октябрь в этом городе всегда начинался с мелкого, настырного дождя, который пробирался даже сквозь закрытые окна, оседая на подоконниках липким серым налётом. Телефон на тумбочке коротко дрогнул, издал металлический звук, похожий на удар о рельс, и затих. Воронин протянул руку, не глядя, нашарил аппарат и поднёс к глазам. Сообщение от дежурного: *«Труп в НИИ хронометрии, улица Плеханова, 17. Срочный выезд. Начальство просит лично».*

Он выругался негромко, но беззлобно, как выдыхают пе-

ред рывком. НИИ хронометрии — он смутно помнил это учреждение по каким-то старым сводкам: что-то про календарные реформы, про системы исчисления времени для астрономических обсерваторий, про архивы метеорологических наблюдений за последние двести лет. Звучало скучно, безопасно и совершенно не похоже на место для убийства. Обычно в таких учреждениях умирали от инфаркта за рабочим столом, или падали с лестницы, поскользнувшись на мокрой плитке, или, в крайнем случае, выпивали лишнего на корпоративе и замерзали в сугробе по дороге к такси. Но утренний звонок и формулировка «труп» намекали на то, что сегодняшний день выпадет из привычного графика.

Воронин поднялся, прошёл в ванную, ополоснул лицо ледяной водой и посмотрел на себя в зеркало. Сорок два года, серые глаза, жёсткая складка между бровями, которая с каждым годом становилась всё глубже, будто кто-то невидимый проводил по лбу остриём ножа. Он был некрасив в том смысле, в каком некрасива старая брусчатка на мостовой — в ней нет изящества, но есть надёжность и следы тысяч шагов. Коротко стриженные тёмные волосы начали седеть у висков, но он не красился и не брился налысо, считая эту естественную географию возраста единственной честной картой своего лица.

Он оделся за пять минут: тёмно-синий костюм, который помнил ещё Советский Союз по качеству ткани, но который сохранял форму лучше любого итальянского, рубашка цве-

та слоновой кости без галстука, старые армейские ботинки, начищенные до матового блеска. Из оружия — табельный «Макаров» в кобуре под мышкой, из личного — зажигалка «Zippo», выигранная в карты у ныне покойного оперативника, и ключи от машины с брелоком, который не пищал уже три года. Он вышел из квартиры, не оглядываясь.

Москва встретила его своим привычным утренним гиньолом: гудки, визг тормозов, мутный свет фар в дождевой взвеси. Воронин вёл «Ладу» двадцатилетней давности, внутри которой пахло бензином и старым коззамом, и думал о том, что убийство в научном институте — это почти всегда семейная драма. Муж застал жену с коллегой, аспирант не получил кафедру, академик проиграл грант. Мотивы у интеллигенции те же, что у грузчиков или банкиров, просто формулируются длиннее и с использованием придаточных предложений. Он уже мысленно составлял протокол и прикидывал список вопросов: кто видел, кто слышал, кто имел доступ, кто не имел алиби. Рутинная. Спасительная, понятная рутинная, в которой нет места заговорам, подземным ходам и тайным обществам.

Институт хронометрии оказался сталинской постройкой — тяжёлое здание из серого камня с колоннами, которые выглядели так, будто должны держать не потолок, а весь небесный свод. На фасаде висела потускневшая бронзовая табличка с надписью: «*НИИ мер времени и исторической метрологии*». Воронин усмехнулся про себя. Мера времени. Звучало

как оксюморон — разве время можно измерить? Оно текло сквозь пальцы, ускользало, обманывало, а эти люди сидели здесь и пытались разложить его по полочкам, как коллекцию бабочек. Наверное, поэтому их и убивают — за самонадеянность.

Он припарковался на газоне перед шлагбаумом, не обращая внимания на возмущённый взгляд охранника, и вышел под дождь. Мелкие капли тотчас посеребрили плечи пиджака. У входа его уже ждал старший оперуполномоченный, молодой парень по фамилии Громов, который так и сиял служебным рвением, будто убийство было его личным подарком на день рождения.

— Артём Сергеевич, там такое! — выпалил Громов, едва переступив порог. — Профессор, доктор наук. Удар по голове, но мы нашли ещё кое-что. Странное.

Воронин не удостоил его ответом, только кивнул и жестом показал вести дальше. Внутреннее убранство института поначалу обманывало: высокие потолки с лепниной, мраморные полы, массивные дубовые двери с латунными ручками, отполированными до зеркального блеска. Пахло здесь воском и старой бумагой, тем особенным запахом, который бывает только в местах, где люди десятилетиями перебирают документы, вдыхая пыль веков. Но стоило свернуть в правый коридор, как великолепия заканчивалось. Здесь начиналась рабочая зона: узкие проходы, обшарпанные стены, выцветшие плакаты с техникой безопасности, лампы дневно-

го света, мерцающие с надрывным гулом. На полу, у самой двери с табличкой «**Кабинет № 412. Проф. Б. А. Рязанцев**», Воронин заметил свежие следы обуви, лужицы талой грязи и одну засохшую каплю, которая была темнее остальных. Кровь.

Он остановился у входа, надел бахилы и перчатки, перекрестился привычным жестом, которого сам не замечал, и шагнул внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.